Автор: admin
19.09.2010 14:36 - Обновлено 25.10.2010 23:44

Впечатления детства

Из детства очень яркие впечатления о турбазе на том берегу. Самое первое, то есть, когда я там первый раз побывала – это было прямо перед школой, две недели в лето перед первым классом. Ранее я всегда все лета проводила на даче с бабушкой и дедушкой, и думала, что родители меня бросили, - они ездили отдыхать в свои отпуска без меня на море. В рабочее время они всегда приезжали на дачу на выходные, но это было не то, мне хотелось с родителями, они были мне как-то ближе по возрасту, чем бабушка и дедушка, и вообще – остаточные воспоминания, когда мы жили втроем далеко в другом городе, и там было славно. Думаю, вернувшись к своим родителям, мои родители попросту расслабились, и решили отдохнуть от непрерывного ухода за капризным и болезненным ребенком, выпало как раз по три года – неусыпной заботы там и оголтелого пофигизма тут, пока ребенок в школу не пошел. Самое интересное, деды меня вылечили от всех болезней и капризов и притом здорово откормили, я уже не напоминала узника Освенцима, как на тех, сибирских фотографиях. От четырех лет я стою на всех фото уже эдаким круглощеким бутузом с уверенностью во взоре и твердо сжимая в своей ручонке то телефонную трубку то лапку плюшевого зайца – тогда было модно фотографировать детей с подобными аксессуарами. . . Так вот о том лете перед школой. Маме дали путевку в Германию, а отец в свой отпуск остался в городе, поэтому взял в профкоме путевку на турбазу на себя со мной. И это было такое счастье! Во-первых, у отца была страшная роскошь по тем временам – лодка «Прогресс» с мотором «Вихрь», как сейчас помню, поскольку меня не с кем было оставить, он брал меня на лодочную станцию, и пока он дергал за шнур заводки мотора, мне доверялась страшно ответственная миссия – поворачивать ключ. Потом, опасаясь, что дитятко простудится – кто плавал на лодках сзади, тот поймет, как здорово задувает ветер на приличной скорости, а если еще и режешь килем волну – и брызги на заднее сиденье, отец сажал меня рядом с собой на водительское место и доверял – рулить! И во-вторых, не было материнской неусыпной заботы: ой, почему не ешь сметану и кефир , почему так рано встаешь, спи еще, отдыхай – мы в отпуске, после обеда – спать, в воде не более получаса, а то простудишься, одень майку, а то обгоришь, то есть, это было целых две недели детского счастья. С родителями (ну пусть в половинном составе) и в то же время без придирчивой родительской опеки. Папа позволял по утрам до завтрака удирать из домика собирать землянику. Да он и сам был не прочь рано вставать, и мы иногда с его друзьями-мужчинами ходили в несусветную рань на рыбалку, ловить сорожку, маленькая такая рыбка, чуть больше детской ладошки, круглопузенькая и серебристая. тогда я первый раз увидела бычка, - совершенно страшненькая такая рыба, на три четверти состоящая из зубастенькой пасти и пучеглазой мордочки, папа объяснил, что чисто случайно эта морская рыбка попала в Волгу и расплодилась там, до морских размеров не вырастая, и пугая своим видом незадачливых рыбаков. Вообще с папой было замечательно! Он столько всего организовывал, он на работе тогда был начальником хозяйственного отдела, и там на турбазе были его сослуживцы с семьями, некоторые даже с собаками и кошками, и тогда каждая семья селилась в отдельном домике с террасой. Турбаза была в лощине между горами, и иногда там можно было наблюдать интересное погодное явление –

тучи за горы зацепятся, и вверху, где домики – льет ливнем, так хорошо засыпать под шум дождя по крыше и шелест мокрой листвы, а внизу, где пляж и река – солнечно и сухо. Нас с папой поселили в малосемейке – одна комнатка и одна терраса, но нам больше было и не нужно, а перед нашим домиком устраивался костер. Там варили уху (видимо, в столовой из детей не ела не только я) и земляничное варенье – прямо в котле над огнем. Землянику варили прямо с плодоножками, запах стоял изумительный, а вечерами еще на огромном деревянном столе взрослые ставили самовар с сосновыми шишками, и эти запахи детства, они как-то впечатались в память и ассоциируются с беззаботностью и счастьем – земляничное варенье, уха, сосновые шишки и липовый цвет. Хлеб к ухе таскали из столовой , – питание входило в стоимость путевки и было бесплатным. А вечером взрослые устраивали танцы, а дети (и я в том числе) спаливали в костре изоляцию с телефонных проводов, - почему-то тоже очень отчетливое воспоминание. Тогда был тотальный дефицит, а отец показал мне, как плести из проволоки корзиночки, цветочки, браслетики, цепочки – всякие нехитрые детские поделки, фигурки животных, а проволоки не было. Но зато были почему-то залежи телефонных проводов, кто видел – два медных провода в белом полиэтилене, вот, если содрать полиэтилен, то проволока получалась изумительная, гибкая, пластичная, а в изоляции провод не гнулся. Мы с подружками сначала все пальцы себе ободрали, при помощи ножниц отчищая проволоку, но производительность была низкая, проволоку ножницы рвали, а нам нужна была длинная. Потом чья-то мама заметила наши усилия и показала нам, что полиэтилен плавится в огне. И мы тогда были поражены, с какой скоростью можно оголить телефонный провод, совершенно его не повреждая. А в тихий час, когда нас не выпускали на улицу, чтоб мы не мешали взрослым отдыхать, мы мастерили из этой проволоки кто во что горазд! Вот удивительно, тогда не было конструкторов, развивающих игр, лото, монополий и прочего, а мы развивались. Конструктором становился мир вокруг нас. Помню, как отец с прижатым к губам пальцем – тсс! – поманил нас (четырех детей, которые вдохновенно мастерили на террасе) за заросли крапивы, и мы увидели там поединок ежика и гадюки – я даже представить не могла, как два таких, казалось бы медлительных животных, могут передвигаться, стараясь нанести друг другу смертельные удары. И ежиков и гадюк мы видели, и даже ставили у крапивы блюдечко с молоком, и знали, что животные, хоть и маленькие, но опасные, и трогать их нельзя. Гадюки грелись на больших теплых камнях под солнцем, ежики переходили дорогу, и те и другие пили молоко и ловили мышей, но в случае опасности ежик сворачивался, а гадюку боялись мы, а не она нас. То есть, мы и не думали, что эти существа могут развить такую скорость и показать такую пластику. Прыжки ежа вообще напоминали вертикальный взлет вертолета, а уследить за мельканием тела гадюки удавалось, наверное, только ежу. Но он победил, придушив гадюку в основании черепа, а потом уволок ее в заросли. Мы были на его стороне, гадюки считались все-таки опасными тварями, а ежики полезными зверьками. Так, наверное, природа преподносила нам уроки выживания в животном мире. Помню день Нептуна, когда мой папа и играл Нептуна (а у него была моторная лодка), где всех с визгом бросали в воду, и хохот стоял такой, что хоть топор вешай. И в то же время устраивались соревнования по плаванью, которые тоже вел мой папа, потому что он был мастером спорта, если бы он участвовал, это было бы нечестно. Так нам тоже самой природой преподавалось умение определять правила игры. Помню день, когда с гор спустились бабушка и дедушка – они прошли пешком с рюкзаками полдня, чтоб нас

увидеть, и убедиться, что их сын не уморил внучку, - прямой переправы на турбазу не было, и они купили билет до ближайшей от нас деревушки, что находилась за две горы. Дедушка принес мне лесных орехов – пока шли, насобирали, а я и не знала, что ближе к вершинам растут кусты лещины. Так я училась узнавать, что мир – это еще не только о, что можно охватить взглядом. Помню палящее солнце на пляже, и как с меня сходила молоденькая шкурка, было так забавно иметь пятнистые плечи, женщины почему-то страдали и не выходили из тени, а нам, детям, было все нипочем, так я узнавала о регенерации тканей, и о том, что в юном возрасте все такое переносится гораздо легче. Помню, как меня клюнула чайка, - мы ходили смотреть места их гнездования, им это не понравилось. Они сориентировались, и напали на маленьких, злобно спикировав сверху, видимо, коллективный разум чаячей стаи сообразил, что большие тоже будут защищать своих мелких, и эта человечья стая, беспардонно вторгнувшаяся во владения чаек, уйдет восвояси, что, собственно, и произошло. Мир преподносил уроки защиты. И терпения. Потом мы приручили чаек нас не бояться и наблюдали за их маленькими птенцами. Они совершенно под цвет песка и передвигаются косолапо и жалко, как все водоплавающие, но, стоит им доковылять до воды , птенца уже не догонишь, загребает лапами что винт у моторной лодки. Это было счастливое время. Время наблюдения и жизненных уроков.

О своей жизненной позиции

Думаю, каждый задавался этим вопросом. Есть люди деятельные, есть люди, плывущие по течению, есть люди – паразиты, которые никуда без хозяина и люди - симбионты, которые утратили некую изначальную сущность за то, что приобрели для себя что-то извне. Я – Наблюдатель. Это слово наиболее четко прописывает смысл моего существования. У кого-то из великих было описание реки времени, что есть миры, которые плывут по течению, есть те, их меньше, которые плывут против течения и совсем малая часть тех, кто на берегу. Не совсем, конечно, про меня, моя жизненная позиция озвучена была бы иначе: Не плыви по течению, не плыви против течения, плыви туда, куда тебе нужно. Наблюдатели вмешиваются в самых крайних случаях, когда если не ты, то кто же. Они не судьи, не арбитры, не инквизиторы, они просто пытаются увидеть, как формируются и разрушаются взаимосвязи между вещами. Наблюдатель не может вмешаться в честную драку, даже если сочувствует одному из дерущихся, даже если кровью сердце обливается, потому что тем самым он ослабит позицию своего ставленника. Да, именно так, когда победа видится через поражение, когда человек начинает понимать, что он не готов к открытой драке, когда это – стимул наращивать силы или пойти другим путем, в обход позиции победителя. Но если двое на одного – не вмешиваться невозможно. Даже если это собаки загнали кошку в угол, ничего не побоюсь и отгоню собак, дав ей возможность использовать свои силы, выскочив из угла, она кинется на дерево, а там ее не достанут. Всегда меньшинство нуждается в защите от того, у кого численное преимущество. Хотя бы для того, чтоб успеть дух перевести. Тут речь, разумеется, не идет о санитарах, которые скручивают яростно сопротивляющегося психопата, тут нужно смотреть шире. Наблюдению претит несправедливость. Жизненная позиция наблюдателя, сказать, что не так, почему нарушается баланс единства и борьбы противоположностей, порядка и хаоса, наблюдатель должен отметить, чья берет, и зафиксировать результаты. Однако,

наблюдатели тоже люди, и им, как всяким людям свойственно ошибаться. Хорошо, если ошибка будет по невнимательности. Это исправит время, всегда можно сказать: ой, да что ж это я. И исправить самому. Потому что гораздо хуже, если на ошибку по невнимательности тебе укажут, это ж такой удар по самолюбию! А сам – ничего так, сам ошибся, сам и исправлю. Хуже, когда ошибка в наблюдениях и выводах из наблюдений делается из желания сделать как лучше для всех. Имея в качества самого яркого представителя этих всех себя любимого. Потому что тогда ошибка влечет за собой фальсификацию фактов. Причем, продуманную, потому что иначе будет удар по самолюбию уже изнутри, а не снаружи, типа, да что ж такое, что у меня баланс не сходится! А надо – чтоб выводы понравились себе самому. Кто-нибудь смотрел сериал “Lie to me» с Тимом Ротом? Вот вроде бы все логично, но я помню серию, когда у меня глаз зацепился и все внутри восстало: не сходится! Меня обманывают. Причем, в эмоциях! Причем, в сериале, который консультировал сам Пол Экман – основоположник «Психологии эмоций». Сейчас попробую объяснить. Там главный герой говорит: этот человек лжет, потому что он непроизвольно отшатнулся, ему не нравится, что он лжет, но он вынужден солгать, он защищается, он, вербализируя неправду, уходит от ответа. Мне еще пришло в голову: да ничего подобного! Если мне нужно солгать и мне известно, что от того, поверят мне или нет, очень многое зависит, я никогда не сдам позиции. Стоять, как часовой на охране государственной тайны! Я защищаю свою ложь, неужели я допущу спрашивающего туда, где он может показать мне мою слабость? А раз меня вынудили лгать, значит, слабость все-таки имеет место быть. Да у меня все внутри сконцентрируется, чтоб глядеть в глаза и делать вид, что эта информация мне не особо-то и важна. Я никогда не отшатнусь, если я знаю, что я лгу. Но есть и другие люди, в невербальных признаках лжи которых, возможно, и будет отступление под напором оппонента «скажи правду». Значит, Пол Экман ошибался, это невербальное движение остро индивидуальное, и его нельзя истолковать, как универсальный признак того, что человек лжет. У меня, наверняка, есть какие-то другие признаки, положение тела я контролирую, а что-то другое – нет, но и хорошо, что человек не знает, по каким признакам можно точно определить, что он солгал, а то б многие лгали, чтоб облегчить себе жизнь. А так, из наблюдений видно, что ложь энергозатратна, и чтоб поверили тебе, ты должен прежде всего удостовериться сам. Бывает самообман, это не страшно, потому что человек, настолько искусно врущий, что сам во все это верит, никак не может использовать свою ложь во зло, да и вообще использовать – он живет в иллюзорном мире, где другие законы причинности. Ну иногда приятно на время одеть розовые очки, а то и поменяться этими очками с приятным собеседником. Это уже не ложь, это небольшое приукрашивание действительности. Например, сколько влюбленных знают, что предмет их любви иногда просто глуповат, но это окупается его обаятельностью и тем, что он, скажем, мирится с твоими извинительными слабостями, вдруг тебе не хватает практичности или умения постоять за себя или, скажем, ты косолапишь при походке. Но очень мило косолапишь. Не загребаешь ногами по-медвежьи, а, скажем, подпрыгиваешь на поворотах и не вписываешься в развороты. Помню ситуацию, из наблюдений. Впереди шла девушка, со спины очень стройная, и очевидно, знающая о своей привлекательности. Мода была такова, что на ней были брючки со спущенной талией и высокий топик. И вот, в соответствии тоже с какой-то идиотской модой, девушка сделала себе пониже спины татуировку в виде китайского иероглифа, очень тоже красивого и загадочного. Но у меня глаз зацепился. Чисто

случайно оказалось, что я знаю этот иероглиф, и что он переводится как «труд». Вот… Приложение слова «труд» к филейной части симпатичной девушки вызвало у меня такой хохот! Так уж получается, что наблюдатель выискивает в окружающем мире подобные комедии положений, анекдотические ситуации и логические нестыковки. Вспоминается такое, что как-то выбивается из баланса между порядком и хаосом. И еще я понимаю, что для того, чтобы сохранять баланс сил, нужно следовать принципу минимального воздействия, потому что все, чем ты воздействуешь на мир, способно вернуться бумерангом. У Каттнера есть изумительный сборник рассказов «Хогбены», там описывается, как некто Енси, человек, в высшей степени несимпатичный, добился от Хогбенов исполнения одного желания. И это желание было врезать всему миру дубиной промеж глаз. Каждому человеку на Земле, потому что мир когда-то обидел Енси. Ну есть такие люди, по жизни обиженные… Но возникло разумное препятствие, Енси был человек обычных размеров. А вдруг один из тех, кого он ударит, окажется двухметровым мастером по боксу с хорошей реакцией – Енси же не успеет убежать от возмездия. Как Хогбены избавили мир от вымирания можно почитать самостоятельно, решение было нестандартное, а слово Хогбена свято – обещали дать возможность Енси стукнуть – исполнили. Вот то, что описывается там – это тот самый принцип минимального воздействия, если приходится что-то изменять, следует сначала определить, без чего будет дискомфортно, а уж только потом искать альтернативу тому, от чего избавляться окончательно и без сожаления. Ломать – не строить. Но иногда в жизни, и это вполне объяснимо, происходит износ, амортизация оборудования. Причем, это относится не только к материальным вещам, износу подвергаются и отношения между людьми. Так с позиции наблюдателя, в проигрыше те, кто не бережет свои нематериальные активы – играется чувствами, торгуется за привязанности и расходует попусту душевные силы. Но в проигрыше и те, кто эти силы тратят, зубами и когтями вцепившись в отношения, которым уже пора перейти на новую ступень развития. Значит, и тут важен баланс, нельзя держаться за что-то одно, нужно рассматривать наблюдаемую картину в общем. И тогда ты увидишь, как душевная теплота постепенно превращается в доверие, а старая любовь становится хорошей памятью.

Личные качества

Мне трудно судить о себе, пусть меня судят другие, но я попробую плясать от печки. То есть, от постулатов дедушки Фрейда и дядюшки Фромма. Начнем с низших гармоник. Прежде всего, самые центральные качества, определяющие личность, будут покоиться на двух китах психофизиологии: на инстинкте самосохранения и на инстинкте продолжения рода. Поэтому наши дурные качества чаще базируются на страхах, хорошие – на способах преодоления этих страхов. Наши лучшие качества базируются на нашей способности к любви, самые отвратительные – на сознательном ее подавлении. Страх на самом деле вещь замечательно полезная! Например, все маленькие дети исследуют этот огромный мир абсолютно бесстрашно. И тогда в помощь страху вступает его добрая спутница – боль. Горящий огонь газовой горелки, как красиво, как хочется погладить, вдруг пламя – оно живое? Но боль добра и предохраняет от безрассудства, хоть тысячу раз повтори малышу, что нельзя, он все равно попробует, и обожжется. И запомнит, что огонь – это не только тепло и красота, это еще и опасность. Хот дети

иногда умнее своих родителей. Наблюдала сценку, поразившую меня тем, насколько, на самом деле, осторожен ребенок. Который всему верит, потому что жизнь еще не научила его лгать и изворачиваться.
Широкая дорога в 4 полосы. Москвичи сейчас саркастически хмыкнут. Да, для нашей глубинки дорога в 4 полосы широкая. Перекресток, светофор. И – зебра на дороге, все честь по чести. Не хватает только регулировщика. Но что такое регулировщик? Временный дорожный знак. Если его нет, то ориентация движения осуществляется согласно светофору. Если нет светофора, то машины обязаны затормаживать перед зеброй. Причем, светофор на том перекрестке отрегулирован так, что светит минут по 10, реально успевает пробка машин собраться, и , когда машинам дают зеленый свет – медленно рассасываться. Место там относительно малолюдное, но перекресток тяжелый. И наблюдаю там я такую картину. Мать и дитя. Мать выглядит деятельно, и явно куда-то спешит, буквально как бульдозер волоча за собой меланхоличного такого ребенка лет шести, который выглядит так, словно ему все равно. Вдруг на перекрестке ребенок встрепенулся и начал упираться во всю с воплем «мама, не надо!». Мать, видимо, не выдержав ожидания, (светофор долго горит, машины медленно едут) смело сошла с тротуара и ступила на зебру. Ребенок – я это прямо чувствую, прямо физически не может за ней последовать, - он боится. И даже не столько машин боится, сколько за маму, - она идет невозмутимо, машины в самом деле притормаживают, - не давить же мать с ребенком, все это противостояние длилось не более нескольких секунд, но насколько оно было мощным. Насколько остро проявились личные качества матери, ребенка и некоторых водителей, которые прямо из окон машин во всевозможных выражениях заявили, что они думают о ситуации. Мать прямо окрылена уверенностью, что ни с ней ни с ребенком ничего не случится. Она шествует по зебре как король, уверенный в праве вето, да увидишь такую – и притормозишь, ни дай Бог что случится. И в то же время жаль изломать испортить такую красоту и такую самоуверенность, несколько секунд наблюдения, и видишь человека – женщину, которая везде пробьет себе дорогу, ни перед чем не остановится и даже не подумает, что вообще-то иногда нужно задумываться, останавливаться, оглядываться назад. Женщина яркая, красивая, даже несколько харизматичная, но вот это безрассудство.. Страшно за нее, однажды перед ней станет непреодолимая стена, догадается ли она обойти и пойдет так же напролом? И ребенок.. Еще подумалось, что как у такой женщины мог оказаться такой ребенок? Или она дана ему как бы в индульгенцию свыше, чтоб он заранее отбыл все наказания, он наказан собственным страхом.. Откуда шестилеток знает, что светофор важнее зебры? Он все продумал, все рассчитал, он чуть ли не плача умоляет маму: подожди, загорится зеленый.. Но нет, она же видит – машины едут медленно – она успеет. Личные качества проявляются в таком противостоянии наиболее ярко, и редко встретишь менее гармоничную пару. Разве стоит ее великолепная самоуверенность нерв малыша, он боится, и я вижу, что он боится за нее – свою маму. Она его утешает – вот зебра, машины притормозят, но он не верит, и я отчетливо вижу, как в его маленьком сердце уже пускает корни стрессонеустойчивое растение тихого ужаса. Ужаса невозможности противостояния, ужаса, что и ему надо преодолеть эту страшную дорогу вместе с мамой, когда подожди ты минут десять – и можно совершенно законно и безопасно проходить. И тут же, кроме инстинкта самосохранения чувствуется большой потенциал способности к любви, - ведь он не за себя боится, он осторожен, и видит, что машины притормаживают, он

боится за свою маму, за свою бесшабашную и бесстрашную пустоголовую, но любящую его маму. Он – так – не поступит. Но в другой раз, когда его не будет рядом, эта женщина возьмет и так же бездумно, по привычке, что все притормаживают, увидев ее, так же пойдет на красный свет. А машина – какая-нибудь одна не заметит и не притормозит. Почему-то подумалось: штрафовать таких матерей надо. А ведь можно оштрафовать только за нарушение правил поведения на проезжей части. А надо бы – за невнимательность к чувствам ребенка, это ведь тоже личные качества - отсутствие страха. И как бы в компенсацию полного лишения чувства опасности у мамы, у ребенка глаза полны ужаса. Почему я противопоставляю страху за личную безопасность способность человека к любви? Да все очень просто, эта способность так же как и способность бояться выражена у всех по-разному. Есть близкие люди, страх за безопасность которых питает личную способность к любви. Выражаться она может быть по-разному. Я уверена, что та мама была одарена ею щедро, она хотела, чтоб ребенок не боялся, она пыталась привить ему свои навыки. Но он – другого теста. Его способность – тихая, неяркая, способность просчитывать ходы и анализировать события и поведение тех, кого он любит. И эта способность подпитывает его страх. Очень сложно определять способности людей сходу. Чтоб их увидеть явно, нужно какое-то открытое противостояние, краткий миг, когда чувства обостряются, но этот момент может и совсем не настать. Личные качества дремлют, пока в них нет необходимости, а то и совсем становятся прозрачными. Сколько людей стесняются своей мягкости, способности помогать, только потому, что в обществе бытует мнение, что выживают те, кто лучше умеет кусаться. Но ведь для развития и сохранения популяции необходимо учитывать каждую мелочь, а вдруг уступчивые более приспособлены, нежели те, кто может ударом кулака проломить железобетон? Потому что люди мягкие, не амбициозные, имеют свойство находить и поддерживать друг друга, а тигру Шерхану не может достаться в друзья ничего лучшего, чем лизоблюд Табаки. Как ни странно, доброта выгодна для популяции, и фраза «делай добро и бросай его в воду» имеет много разных смыслов. Наличие добра чуется в атмосфере, как в воде степень кислотности, которая и определяет, мягкая или жесткая вода. Ха, люди даже других названий не придумали, слишком мало слов, чтоб описать качества.

Общечеловеческие ценности, мировоззрение

Очень сложно рассуждать о таких вещах. Может быть, попробую объяснить, что-то общее кажется важным всем, а вот уж конкретика привлекательна для каждого по-своему. Начну с любви. Общечеловеческая, глобальная ценность. Противопоставляется ей, как правило, равнодушие, изредка, ненависть. Почему любовь? Потому что человек – существо социальное, и когда-то нашим предкам для того, чтоб человеческая популяция выжила, пришлось объединяться. Находить какие-то средства коммуникации. У приматов они как бы уже были – эмоции, мимика, общее для всех, что понятно всем. Радость – способность передавать сигнал о том, что племя может не волноваться, все хорошо. Печаль – способность отпускать и прощаться с тем, что было когда-то ценно. Отвращение – способность показать соплеменникам, что это гадость, а то еще какой волчьей ягоды нажрутся по незнанию, она ж яркая, привлекательная. Гнев – способность показывать сопротивление внешней агрессии или контролировать свое положение в племени. Страх – способность или предупреждать

об опасности – чтоб убежали или застывать на месте – сливаться со средой, чтоб хищник тебя не заметил. Кстати, у страха человека до сих пор остались эти два атавистические проявления, бывает, что человек бежит, вереща от ужаса и не разбирая дороги, а бывает (в жизни чаще) в стрессовом состоянии замирает и не может слова вымолвить вплоть до кататонических состояний. Удивление – самое замечательное эмоциональное состояние, если остальные пять базовых эмоций доступны всем животным, то удивление свойственно только высшим приматам – показать соплеменникам что-то из ряда вон выходящее, что надо бы исследовать, короче, удивление пускает корни и прорастает любопытством или здоровым интересом. Способность к познанию и мыслительным процессам – это общечеловеческие ценности. Эти ценности стали средством коммуникации между людьми, уже если об этом говорят, то понятно, что это может заинтересовать. Еще, конечно, творчество. Недаром только у человека такие манипулятивные и очень чувствительные пальцы, - чтоб создавать что-то интересное, вести осмысленную практическую деятельность. Ну и еще, конечно, моральные ценности. Когда-то мне встретилось выражение: «Вот когда древняя женщина постелила шкуру у входа в пещеру и обучила мужчину вытирать ноги, с этого момента можно и вести отсчет цивилизации». Не с колеса, ни с огня, а именно с принятия совместного участия в облагораживании человеческого быта. Безусловно, важнейшей ценностью для популяции является размножение и выживание наиболее приспособленных особей. Для человека, который в результате прямого следствия прямохождения, свободы верхних конечностей при передвижении и развития головного мозга это вылилось в то, что рождается он совершенно беспомощным. И нуждается в материнской опеке очень долгое время, не так как слепые котята или птенцы орла, которых достаточно просто только выкормить и оставить на крыло. У человека развивается не только тело. Но и разум. Поэтому человека «на крыло» ставить – может занимать десятилетия, он в процессе эмбрионального развития проходит путь от одноклеточного до примата, а в процессе роста нравственное и цивилизационное его развитие проходит от первобытного – «я голоден – дай», через рабовладельческий – «сделай то, что мама сказала», через феодальный с натуробменом – «ты мне самосвал, я тебе ведерко» и эдак до человека современного. Чтобы все это пережить, популяции надо было сформировать какой-то регулирующий механизм, ну для того, чтоб матерям не надоедало растить детей, уж больно долго же относительно неразумного животного состояния… И таковым механизмом стала следующая общечеловеческая ценность – любовь. Вот еще, думать о всей популяции в целом, я буду любить именно своего малыша! И так – каждая… Вот и славно получилось, небольшое отступление от чисто рефлекторной деятельности по обучению потомства оказалось под завязку набито потенциалом воспитания. Где – по своему образу и подобию. Где – в игре. Где – в пректическом изучении этого огромного мира. Любовь прекрасна, но она продиктована приспособляемостью, это уникальнейшее свойство человека. Сначала вроде как любовь матери к ребенку. Но пока ребенок развивается, учится, у его матери становится все меньше свободного времени, предоставленная самой себе, она прекращает развиваться, она будет развивать только свое дитя. Могла ли популяция смириться с таким положением вещей? Нет. И она придумала следующий пусковой механизм любви: любовь мужчины к женщине. Когда выбирают не самку, а именно мать своего будущего ребенка. Конечно, от рефлексов тут далеко не уйти, и вначале выбирается за красоту, ум и сообразительность, то есть, то что для себя – самое-самое, и плюс обязательно

сексуальную привлекательность, но то, что выше рефлексов – идет далее. Мужчина любит женщину, женщина – мужчину. И любовь, в свою очередь, формирует привязанности. Зная, что у нее есть поддержка и опора, что и о ней в случае чего позаботятся, женщина способна дать ребенку много более, нежели в той ситуации, когда она одна вынуждена и добывать пропитание и воспитывать ребенка. И у ребенка с детства формируются новые пусковые механизмы развития: знание, что я не один. Знание, что мама и папа меня любят. А вот тут уже начинается мировоззрение. Если общечеловеческие ценности у нас у всех одинаковые, что обусловлено человеческой природой, то мировоззрение – это как раз тот бросок костей на удачу, что кинула эволюция. Каждому – свое. Для кого-то мир – пещера, где днем с огнем не найдешь Человека. Для кого-то мир – сборище людей, в котором ну никак не найдешь вход в свою сущую, уютную малогабаритную и комфортабельную пещерку. Для кого-то мир – дорога или река, а для кого-то – созерцание законов причинности. Я помню у меня в детстве были глюки – я не верила в историю, мне казалось, ее просто придумывают, ведь ее нельзя увидеть, нельзя ощутить, можно только покопаться в первоисточниках, а вдруг у первоисточников может найтись иное толкование? Короче, для меня история существовала со Второй Мировой, потому что ее помнили бабушка и дедушка, то есть, были живые свидетели, которым я могу доверять и которые говорят со мной на одном языке. А все остальное казалось равноценным любой сказке, да я типа сама могу сто сорок историй насочинять, почему в школах учится какая-то одна конкретная? И то, то, что мои бабушка и дедушка рассказывали про войну весьма сильно отличалось от того, что писалось в официальной школьной программе. Значит, для тех, кто переживал те события, которые потом были названы историческими, мир-то виделся совершенно по-разному. Позже я, конечно, поняла, что историю пишут победители. Но почему одну для всех? И это понимание тоже приходит позже, чтоб у читателей была какая-то общность интересов, чтоб было что обсудить и чему себя противопоставить, но тогда и правильно – это – и должно быть общее для всех. То, что читаем в учебниках истории. А вот отношение к прочитанному у всех разное. Сейчас слишком много трактовок слишком много учебников, нам уже передают не историю глазами победителя, а отношение автора, ну и зачем это надо? Я читала книги Виктора Суворова, хорошо пишет с точки зрения подачи, красиво, но если вдуматься в смысл, так по мне бреда и переливания из пустого в порожнее у Суворова больше, чем в том базовом учебнике истории, по которому учили меня в школе. Раз историю постоянно переписывают, то для меня как бы ее и нет. Поэтому я больше люблю математику. Тоже общечеловеческие ценности – нахождение единицы измерений. Без этого не будут вращаться лопасти винта у подводной лодки и реактивная тяга не поднимет самолет, - без количественного расчета сил, воздействующих на физическое тело. Но ценности нравственные не поддаются измерению, и все, чему может обучить мама, это подражание ей, делай как я. Люби – и будь любимым. Не крепче, не отчетливей, не сильнее – нет количественных характеристик, нельзя сравнить, кто любит более, можно только отметить, наделен человек способностью к любви, или там то ли пробел, то ли сингулярность то ли еще что.. Люби, как умеешь. И будет тебе счастье, как при коммунизме – от каждого по способностям, каждому – по потребностям. Мне почему-то кажется, что потребности и способности как-то взаимосвязаны, но объяснить себе я этого не могу. Просто кажется.

Цивилизация, культура.

Эх, нельзя художественное произведение писать, но при слове культура у меня возникает ассоциативный ряд – культура бактерий. Я когда-то даже написала такую полуфантастическую сказку про смелую цивилизацию, которая экспансивно расширялась вглубь и вширь, неся отсталым народам блага культуры.. Насаждая нравственность, обучая новым навыком. Научили дикарей пользоваться огнем, дали понятие о художественных ценностях, короче, такая цивилизация, которая пошла ну то ли в военный поход на соседей то ли заставить их подписать конвенцию о мире, ну мало ли что от них ждать, вдруг они с копьями против нашей ракеты-томагавк, их жалко же.. Расписывала долго и красиво. А потом – бац и неожиданная концовка. Экспансию этой цивилизации остановили мощным антибиотиком и человек выздоровел. Это как бы взгляд на болезнь с точки зрения возбудителя заболевания. Уже позже я как-то просмотрела полумультфильм про клетку лейкоцита «Осмос Джонс» , и удивилась, насколько иногда у разных людей мысли о цивилизации сходятся. Правда там напал один злодей вирус просто со страстью сотворения зла космического масштаба, а в моем варианте колония бактерий решила, что если они научат туземцев пользоваться огнем – перевожу – поднимут температуру тела хозяина, - то всем будет хорошо. Это же блага цивилизации. То есть моя-то культура была щедро одарена добром по самый гипоталамус. Но местным жителям мало не показалось.

Конечно, можно говорить о культурных ценностях, начиная со статуй богов в исполнении Праксителя, но тут же напрашивается вопрос: а что с этой красотищей сталось? Что не уничтожили вандалы, разворовали благородные римляне, несшие на покоренные народы цивилизацию и культуру. Полно, братцы-ежики, культура состоит не столько в ценностях, сколько в умении эти ценности преподнести. Почему некоторые вещи гармонично вписываются в последующую культуру, а другие отторгаются? Значит, дело в целесообразнее. Разумнее всего, на мой взгляд, вела себя культура православной церкви, которая, не мудрствуя лукаво, дала старым праздникам новые, нравственные названия и мягко вводила в употребление новые обычаи. День перунова огнецвета – цветка папортника – Купалин день, день игрищ, массовых купаний и прыжков через костры голышом и прочих древнейших мистерий постепенно заменился на день Иоанна Крестителя, а святое крещение происходит так же – окунанием в воду. Думаю, вводя такие обычаи, концессия когда-то считалась с теми людьми, которые не хотели отступать от старых, чтоб не выставлять целый народ сразу еретиками и охальниками. Да, купаются. Но уже в святой воде и с другой целью. Кстати, такая же дохристианская подоплека лежит и в сути зимних крещенских купаний в проруби. А Великий Пост – это же разумное ограничение именно в тех продуктах питания, которые в феврале-марте и так есть не хрен. В феврале отел коров, какое еще молоко, нужно было сохранить и коров и телят, все разумно – запрет на поедание мяса. Да и вообще, к началу весны запасы-то поистощаются, и если сельские жители сейчас немножко затянут пояса, чтоб сэкономить припасы и силы к посевной, это будет только к лучшему. Все разумно и за многие века продумано, тем паче, что и языческие народы посты держали и приблизительно в то же время. Вот это я называю мягким взаимопроникновением культур, ассимиляцией цивилизаций. Без захватов и силового насаждения своей политики.
Еще много можно почерпнуть на стыке культур Европы и Азии, но в результате разных климатических условий, культуры вызрели и распространились там, конечно, разные.

Автор: admin
19.09.2010 14:36 - Обновлено 25.10.2010 23:44

Русская репка вряд ли будет хорошо себя ощущать под японской сакурой. Нашей репке нужно теплое солнышко, благодатная земля да умелец-огородник. А японской сакуре важнее всего, чтоб цунами не было. Если только оценить японскую народную сказку о десяти монетах, то разницу в восприятии ощущаешь особенно четко. Если вкратце, чиновник уронил в воду в темноте 10 японских грошей и повелел достать. Некто, проходивший мимо, заметил, что нанимать людей, оплачивать факелы, это ведь стоит гораздо более десяти японских грошей, да этот чиновник самодур, мот и фат! А тот ему отвечает: все, что ты сказал верно, и я самодур, но достав эти монеты, я снова пущу их в оборот, а если я махну рукой, они могут быть потеряны для мира совсем. Вот это уделение внимание каждой мелочи вообще очень характерно для японской культуры, по-моему, в русских сказках аналога нет. Тут разменивались царствами и делили шкуры неубитых медведей. Разница культур, разница цивилизаций. Русский человек, выращенный на широких просторах лесостепи с благодатными реками и озерами получает в воспитание от цивилизации начатки заботы о природе – возделывать целину там, строить запруды, как бобер, ну в советское время больше строили ГЭС. Японец вынужден довольствоваться малым. Острова более плодородны, чем наши лесостепи плюс морские ресурсы, но места для проживания очень мало. Ему надо сохранять то, что есть. Даже приветствие, сформированное вековым налетом цивилизации у японца и русского разное. Что значит поприветствовать? Продемонстрировать дружелюбие. У русского это будет ощеренный оскал довольной улыбки и протянутая длань с открытой ладонью для крепкого рукопожатия, - на большой и не всегда пригодной к жизни территории наших предков было мало, а комфортные для жизни условия отвоевывались, поэтому дружелюбие для нас – открытая ладонь. Я пришел без оружия. И обязательный тактильный контакт пальцев – я тоже человек, я теплый, я живой, я такой же как ты. Чем крепче рукопожатие, тем более он раз вас видеть. А теперь рассмотрим этикет японского приветствие. Закрытые ладони, прижатые к груди, потупленный взор и никакой улыбки, - я не претендую на Ваше личное пространство, ни физическое ни душевное. Человек этим движением как бы ограничивает себя в пространстве перед тем, кого приветствует. А тактильный контакт возможет только наедине только после разрешения допуска в интимную зону и только между по-настоящему близкими людьми. Такая культура. Не сама по себе, ее сделали такой условия проживания японцев – там место жительства и место общения – ценный ресурс. У японцев проявить уважение – это соблюсти правила признания за человеком его места. А у нас не допустить вторжения. Разница ощущается. Хотя базовые общечеловеческие ценности одни и те же: дружба, вера в добросердечие и любовь. Но вообще лично меня японская культура привлекает очень и очень. Именно своей несхожестью с нашей. А какое у них отношение к красоте? Бережное. Они могут увидеть ее абсолютно во всем, даже в нагромождении камней находя какие-то смыслы… А маленькие садики бонсай? Миниатюрный мир на подоконнике. Японская сила не в том, чтобы разрушать. Она в том, чтобы переделывать. Сами японцы сравнивают свой мир со стеблем бамбука, закованным в металл и обернутым в пластик. Вот с той же скоростью, что растет бамбук, должна изменяться и цивилизация, вплавляя в себя все лучшее от прежней культуры и формируя новую почти живую, но рукотворную оболочку.